

Братья

12+

Елизавета Переяслова

Елизавета Переяслова

Братья

«ЛитРес: Черновики»

2010

Переяслова Е.

Братья / Е. Переяслова — «ЛитРес: Черновики», 2010

Потеряв мать, они отправляются на поиски корней - берсерк, тяготящийся своей силой, и подкидыш, сын коварного Локи. Каждый обретет то, что искал - талисман, помогающий сдерживать силу зверя, и дом, в котором не будет чувствовать себя чужаком. Но главное, никакие испытания не могут отнять у них одного - они братья.

© Переяслова Е., 2010

© ЛитРес: Черновики, 2010

Часть 1 Локи

Глава 1 Берген

Плотный молочно-белый туман неохотно поднимался вверх по склонам, уступая расвету. На западе еще таяли последние звезды, но солнечная колесница уже была готова начать свой путь над Мидгардом. Один из поросших густым мхом валунов на вершине горы вдруг зашевелился. Показался длинный нос, под мохнатыми бледно-зелеными бровями мелькнули небольшие глазки. Опасливо покосившись на восток, тролль суетливо поспешил к темному куску гранита, казалось намертво вросшему в землю. Длинные для короткого тельца руки без особых усилий отодвинули гранитную плиту. За камнем, на котором еще были различимы борозды, оставленные древним ледником, прямо в воздухе висела тонкая переливающаяся пленка. Такая получается, если в воду плеснуть немного масла.

Пленка как бы светилась изнутри, по маслянистой поверхности пошла рябь, и из нее появилось сперва лицо – узкий, немного длинноватый нос, высокий лоб, тонкие губы, застывшие в вечной улыбке, распахнулись веки, и на тролля взглянули разноцветные глаза – один зеленый, другой голубой. Рассыпались по плечам огненно-рыжие волосы. Пряди с висков были стянуты на затылке в лисий хвост тонким замшевым ремешком. Тихонько стукнули о камень дорогие ножны, из которых торчала рукоять меча. Наконец показался край синего плаща, щегольские вышитые сапоги.

Тролль, все время тревожно оглядывающийся на поднимающееся солнце – невольно отступал все глубже в тень. Когда маслянистая пленка наконец перестала дрожать, тролль поспешно вернул камень на место – одно движение пальцев, красноватых, узловатых и шелушащихся, как сосновые корни, и даже потревоженный мох вновь приник к валуну.

– Ты с ума сошел, Локи? – Возмущенно проговорил он. – Что тебе так срочно понадобилось в Мидгарде? Я из-за тебя едва не подставился под солнечные лучи, а ты прекрасно знаешь, чем это может кончиться!

– Ну, во-первых, понадобилось не мне, а Фрейе. Ты же знаешь, как капризны бывают асины. А во-вторых, если ты сейчас не прекратишь ворчать, то точно превратишься в камень. Смотри, туман уже начинает рассеиваться.

Тролль юркнул за скалу, которую охранял, а Локи, весело рассмеявшись, начал спускаться вниз, туда, где уже начал просыпаться городок. К тому времени, когда он из густого леса, росшего на вершине горы, вышел на широкую тропу, его сапоги окончательно промокли. Досадливо крикнув, Локи устроился на широком камне, сложил в груду несколько веток, и провел над ними рукой. Тут же показался дымок, и язычки пламени ласково потянулись к изящным пальцам хитрейшего аса. Воткнув по бокам от костерка палки, Локи напялил на них сапоги. От мягкой вышитой кожи ту же повалил пар.

Где-то далеко послышался раскат грома, заставив Локи поторопиться. Разумеется, он не сказал троллю правду. Он как всегда раздражил асов, и теперь спешил укрыться в Мидгарде от их гнева.

Немного просушив обувь, Локи снова двинулся в путь. Теперь оставалось совсем немного до Бергена – торгового городка, быстро растущего тех пор, как первые ганзейские купцы выстроили здесь свои дома. Когда Один или Тор не звали его с собой путешествовать, Локи любил бывать в таких городах – шумных, полных жизни. Порой он останавливался под чужим обличем у какого-нибудь кузнеца или ювелира и проводил среди людей неделю или две, наслаждаясь проказами и скрываясь от гнева ассов.

Легким шагом Локки спустился по тропинке, вьющейся по склону Фолли – высокой горы, чья тень прикрывала городок у подножья. Вскоре он добрался до рыбного рынка. Здесь роскошь купеческих домов соседствовала с вонью и нищетой рыбацких лодок. Под деревянными навесами уже раскладывали товар рыбаки. Свежая, соленая, вяленая рыба, крабы и кре-

ветки грудами лежали на прилавках рядом со свежими яблоками и золотистым медом. Тут же в высоких котлах варился рыбный суп, плошку которого мог купить каждый, у кого в карманах завалилась монетка.

Стащив – не от безденежья, а из любви к искусству, кусок копченой трески, Локи пошел прочь от квартала, где ганзейские купцы из окон особняков следили за тем, как отплывали, причаливали, разгружались и загружались их корабли. Там ему делать было нечего. Он направился к подножию Ульрике – второй горы, возвышающейся над Бергеном. Там селился рабочий люд. В том числе и кузнецы.

Локи нравился перестук тяжелых молотов, за которыми пытались угнаться молоточки серебряных и золотых дел мастеров. Нравилось дыхание мехов, рассерженное шипение раскаленного железа, когда его опускают в холодную воду. И, конечно, огонь – его гудение в печах, потрескивание сухого дерева, раскаленного металла, пота и паленой кожи широченных фартуков, в которых работают кузнецы.

Проходя по узкой улочке позади выстроившихся вдоль залива домов, Локи обернулся. Улица была пустынна, если не считать собаки, деловито несущей куда-то кость. Улыбка на лице аса стала шире, он прошептал несколько слов, и в тот же миг вместо молодого худошавого рыжеволосого мужчины на улице стоит кряжистый, плечистый мужик со спутанными русыми патлами, собранными на затылке в хвост. Вместо щегольского наряда на нем были потрепанные кожаные штаны, шерстяная рубаха, перепоясанная простым, если не считать искусно сделанных заклепок, поясом и серый плащ. В нем никто не признал бы хитреца аса.

Преобразившийся Локи двинулся дальше и вскоре уже оказался в кузнечном квартале. Около одного из домов, казавшегося побогаче прочих, сидел, щури близорукие глаза на солнце, ювелир. На бледном лице были особенно заметны темные разводы сажи. Под покрасневшими от дыма глазами залегли глубокие тени. Локи не надо было обладать всевидящим оком Одина, чтобы понять: всю ночь ювелир сидел за работой. И теперь где-то в глубине дома, в светлой шкатулке из кедра, выложенной мягкой тканью, таинственно мерцала новорожденная драгоценность. Что это было? Венец, кольцо, запястье? Так же Локи, не задав ни одного вопроса, знал, что хозяина дома зовут Хринг.

Локи, назвавшись Эспеном, то есть, Угадывающим, затеял с ювелиром разговор.

– Откуда ты роддом, Эспен? – ювелир видел перед собой странника. А тяжелый молот, рукоять которого торчала за его правым плечом, там, где обычно носят меч, выдавал в нем кузнеца. Видя, что путник не отвечает, Хринг спросил о другом: – Что ты ищешь в славном Бергене?

– Работу. Там, откуда я родом, про меня говорили, что я не самый плохой кузнец.

– Здесь то же самое говорят про меня. – Усмехнулся Хринг. – Но я вижу у тебя за спиной большой молоты. Ты, верно, больше привык работать с железом?

– Нет. Этот молот мне нужен, чтобы охранять то золото, что лежит на дне моего мешка.

Склонившись над выдавшим виды кожаным мешком, Локи прошептал несколько слов. На его ладони оказались несколько колец и брошей изумительной красоты. Вот удивится какой-то купец, когда обнаружит на месте любимых украшений дорожные камни, которые Локи переместил на их место!

Глаза ювелира вспыхнули, как у кота при виде мыши. Локи очень хорошо знал этот блеск. Теперь ему не составит труда уговорить ювелира оставить его для испытания на пару недель. За это время Тор немного успокоится, и можно будет спокойно вернуться в Асгард. Локи уже предвкушал радости спокойной жизни – без путешествий с Одином и Тором, без постоянных каверз – попыток показать всем этим надутым асам, чего стоят их силы и могущество.

Мужчины вошли в дом. Жена ювелира – кареглазая темноволосая киприотка, совсем некрасивая на вкус Локи, больше похожая на смуглую рабыню, если бы не богатый убор и

властность повадок, подала им свежего хлеба, холодного мяса и доброго пива, чтобы все это залить.

Локи как раз начал рассказывать о своем очередном приключении, когда в комнату вошла хозяйская дочь.

– Синдри! Доченька! Подойди и поприветствуй нашего гостя. – Хозяин, хлебнувший после бессонной ночи слишком много пива, просветлел при виде любимицы лицом. Локи обернулся, и замер.

Может быть, оттого, что ее отец был кузнецом, Синдри достались волосы рыжие, словно пламя в горне. А глаза черные и горячие, как угольки. Мать что-то шепнула девушке, и та рассмеялась. Звон серебряных подвесок – вот что напомнил Локи ее смех.

Он приосанился, приготовился отпустить какую-то шуточку, но девушка с большим интересом смотрела на кольца, которые Локи подарил в честь знакомства ее отцу.

Локи чуть не саданул себя кулаком по лбу. Это надо было так забыться! Молоденькой семнадцатилетней девушке не интересен старый тридцатилетний мужчина. Особенно если на этом мужчине пропыленная дорожная одежда безо всяких украшений. Это позже ее мать нашепчет ей на ушко, что не всегда стоит с первого взгляда судить о своем госте.

Синдри примерила на розовый пальчик колечко, еще раз сверкнула напоследок глазами, и улетела к подруге, как солнечный зайчик, ускользнувший между пальцами.

Быстро свернув разговор, Эспен откланялся, сказав удивленному хозяину напоследок:

– Я понял, что мне врали в моих родных краях. Ты во многом превосходишь меня искусством. Может быть, я вернусь позже, когда научусь делать действительно стоящие вещи.

С этими словами мнимый кузнец подхватил свой мешок, и скрылся за дверью. Не оглянувшись на удивленного хозяина. Не замечая, как пристально смотрит ему вслед хозяйка. Ей уже доводилось видеть богов, путешествующих среди смертных. Недаром в Элладе, где прошла ее молодость, ходит столько легенд об этом. В здешних местах тоже знали, что небожители иногда разгуливают по земле. Но здесь сказания слагали мужчины, и чаще всего боги дрались или пировали в палатах королей. И никогда в северных сказаниях асы не влюблялись в смертных девушках. Только валькирии порой снисходили до земных королей и героев. Женщина улыбнулась, глядя как спешит кузнец за ее дочерью. Что ж, она вполне могла полагаться на разумность Синдри.

Локи едва успел заметить, куда свернула девушка. Синдри провела его людными рядами рыбного рынка, легко зашагала вверх по склону горы туда, где среди высоких деревьев была расчищена от бурелома поляна. Там теплыми летними вечерами собиралась молодежь. Посреди поляны было выложено камнем кострище. Вокруг поверх поросших мхом валунов были настелены половины золотистых сосновых стволов. На них сидели смешливые девушки и готовые покрасоваться парни.

Несколько таких скамей на каменных основаниях было сделано под могучим ясенем. Густая листва укрывала сидящих под деревом от дождя. А по ветвям, точь-в-точь, как по Игдрассилю, скакала веселая рыжая белка. Ни одному охотнику и в голову не приходило ее подстрелить, хотя доверчивый зверек спускался, слышав людские голоса, и брал с девичьих ладошек орехи. Зверек был настолько смышленным, что среди Бергенцев ходил слух: белка понимает человеческую речь, и ее сердитое лопотание раздается, если она слышит ложь.

Этим погожим весенним вечером вся молодежь Бергена собралась там – посмеяться, покрасоваться обновами и умением складно подбирать слова. Из своего укрытия за цветущим кустом шиповника Локи увидел, как Синдри с радостным смехом подошла к подругам.

Локи еще раз залюбовался девушкой. Она показалась хитрейшему из асов красивей, чем сама Фрейя. Гордая головка слегка запрокинута под тяжестью густых золотисто-рыжих волос, убранных в сложный узел из кос. Нарядный зеленый хангерек, искусно вышитый по вороту и проймам был сшит из самой тонкой шерсти, а рубашка, рукава которой на запястьях были

подхвачены широкими браслетами с зелеными камнями, из тончайшего выбеленного льна. Но асу оно показалось грубой дерюгой, не достойной касаться белой кожи красавицы. Тонкий стан перехвачен поясом, украшенным серебряными бляшками. Порой из-под подола показывалась крохотная ножка в вышитом башмачке.

Локи так залюбовался красавицей, что едва не упустил момент, когда на тропе за его спиной показалось несколько парней. Локи поспешил скрыться от них за деревьями. Эспен должен был окончательно исчезнуть. Локи отошел на достаточное расстояние, чтобы голоса с поляны превратились в сонное гудение пчел. Меж двух слоистых темно-серых гранитных камней бежал родничок, разливаясь небольшим – без труда перешагнуть – озерцом. Блестящие листья черники, из которых застенчиво выглядывали синие ягоды, склонились над самой водой. Темная галька, отполированная ручейком, превращала его в зеркало. Локи опустился на мягкий мох, зачерпнул сладкой воды. Прежде чем староватого кузнеца, побывавшего у ювелира, сменит другая личина, Локи принял свой истинный облик. Всего лишь на мгновение аса посетила мысль явиться девушке таким. Но вот он взгляделся в отражение.

Волосы – рыжие, как шерсть старого лиса. Богиня Идун до сих пор сердилась на него за похищение корзины с яблоками, дарующими асгардцам вечную молодость. Поэтому на висках появились седые подпалины. Вокруг разноцветных глаз залегли морщинки вечного смеха. В короткой бороде прячется насмешливая улыбка. Насмешливая и горькая.

– Кому ты нужен, кот облезлый? Разве что посмеяться над тобой...

Подумав немного, Локи прошептал заклинание, и вновь преобразился. На этот раз ас принял образ молодого щеголя-купца. Золотистые волосы, перехваченные тесьмой, рассыпались по широким плечам крупными кольцами. Синий плащ, отороченный черным мехом, небрежно накинут поверх шелковой вышитой рубахи. Рослый, статный вышел юноша – девица погибель. Одни голубые глаза на загорелом лице чего стоили.

Вместе с обликом сменилось и настроение аса. Он набрал пригоршню спелой земляники, и со счастливым смехом отправил ягоды в рот. Какое-то веселое любопытство охватило его. Быстрыми легкими шагами направился он на поляну, где уже всюю шло веселье. Уже ходил по рукам бочонок с пивом, уже разгорался костер и румянец на щеках красавиц. Парни пробовали голоса своих свирелей и лир. Один из парней начал рассказывать какую-то смешную историю, приключившуюся в Асгарде при его, Локи, участии. Белка спустилась на нижнюю ветку ясеня, и, прислушиваясь к рассказу, грызла орех, поглядывая на людей глазками-бусинками.

Синдри тоже слушала, сидя в кругу подруг. Ее внимание было полностью поглощено рассказчиком, так что она не замечала пристального взгляда незнакомца, появившегося на поляне. Только когда раздался его смех, резкий и дерзкий, не только она, но и все, кто собрался на поляне у большого костра, обратились к нему.

– А ты кто таков? – Обиженный, перебитый на полуслове рассказчик вскочил со своего места, и направился к насмешнику.

– Я-то? Прохожий, на своего отца похожий. Одет не в рогожу, имею лицо, а не рожу. Щедр на ласку и золото с девицей, остер на язык со всякою птицей вроде тебя, враля записного. А от меня больше не услышишь и слова.

Выпалил он все это с такими забавными ужимками, что сердиться на него было просто невозможно. Однако, опешивший от неожиданного напора парень быстро опомнился и надвинулся на Локи.

– Чегой-то ты меня в записные ввали зачисляешь? Ты, поди, и знать меня не знаешь.

– Знать не знаю, а то понимаю, что в твоём рассказе слова правды не услышал ни разу.

– А как же тогда было дело? – с насмешкой спросил рассказчик, косясь на белку, с любопытством прислушивающуюся к разговору. Если во время рассказа неожиданного гостя раздается ее возмущенное цоканье, он будет отомщен.

Ничуть не смущаясь всеобщим вниманием, Локи устроился возле огня, задумался ненадолго, глядя сквозь пламя то ли на Синдри, то ли на одному ему ведомые картины.

Потом он заговорил. Его голос то становился грубым и низким, когда он говорил за глупого великана, то наполнялся благородством и отвагой, когда речь шла о Торе и Одине. Высоким голосом – нежным или писклявым – он говорил за асиний и карликов. На его лице отражались то страх, то ярость, то гнев, то задумчивость и любовные муки.

Когда он умолк, солнце уже клонилось к закату. Сколько смешных и страшных историй успел он рассказать! Сколько дивных краев предстало перед глазами слушателей! И ни разу белка не подала рассерженного голоса. Предыдущий незадачливый рассказчик был посрамлен. Локи умолк и протянул руку за чашей с питьем, чтобы промочить пересохшее горло. Поверх края резной чаши он снова любовался нежным задумчивым личиком Синдри. Она смело ответила на взгляд незнакомца, и задала вопрос, о котором все уже успели позабыть.

– Как же тебя зовут, забавник?

Локи ждал, и желал, чтобы она заговорила с ним. Но вот это произошло, и он, чтобы не давать ответ немедленно, сделал большой жадный глоток горьковатого пива.

– Там, откуда я родом, называли меня Твегги.

Едва эти слова слетели с его губ, белка разразилась возмущенным цокотом. Никто не обратил на это особого внимания. Мало кому в голову придет открывать чужакам свое настоящее имя. Спустились сумерки, и на поляне началось настоящее веселье. Зазвучали песни, пустились в пляс засидевшиеся за рассказами парни и девушки. Только Синдри заскучала, когда ее подруг умчали танцевать приятели.

Твегги подсел к девушке, рассеяно теребя стебелек травинки.

– Ну а ты что сидишь, красавица? Неужели не хочется поплясать?

– Хочется! – Синдри с надеждой посмотрела на нового знакомца. – да только никто не зовет.

– У тебя ноги больные? – Участливо спросил Твегги. – Или танцуешь плохо?

Синдри хотела было разозлиться. Она уже жалела, что самоуверенного незнакомца не удалось проучить. Но в глазах Твегги плясали искорки смеха, а рука, протянутая к ней, звала скорее вступить в круг танцующих. Синдри не заставила себя ждать. Спустя долгое время, присев немного передохнуть между танцами, она объяснила Твегги:

– Отец у меня златокузнечным делом занимается. Мало кому уступит и мастерством и богатством. Вот и не решаются парни звать меня плясать.

– Ну, я-то не такого робкого десятка, как они. Пошли? – Улыбаясь, Твегги протянул руку, и она поспешила подняться – музыканты как раз заиграли новую мелодию.

Когда в небе появились первые звезды, молодежь стала расходиться. Спускались к подножью Флойи гомонящие, смеющиеся компании, перекликающиеся группки парней и девушек, тихие парочки, спускающиеся самыми узкими, длинными тропками, не разнимая рук.

Внизу дремал Берген. Спали рыбацьи лодки, пестрой толпой окружавшие большие корабли. Мигали сонными глазами-факелами каменные дома ганзейских купцов. Смолк перестук молотов в квартале кузнецов. Синдри впервые возвращалась домой в стороне от подруг. Ее ладонь лежала в руке Твегги, сердечко билось, в тревожном ожидании: неужели? Неужели... Неужели! Сколько раз невнятная тоска сковывала ее, когда звучали протяжные печальные песни о любви. Но никто из бергенцев и многочисленных торговых гостей не тревожил ее сны.

Ее отец, сам взявший жену по любви и дававший за дочью солидное приданое, был готов предоставить ей решать судьбу самостоятельно. Девушка не страшилась родительского гнева, подходя к дому с пригожим незнакомцем.

Однако сам Твегги, остановившись у ворот ювелира, поспешил с ней распрощаться. Девушке даже показалось, что новый знакомый немного испугался... ворчавшего вдали грома.

– Гроза будет... остался бы ты у нас. Батюшка не откажет, да и матушка мне, любимице, поперек слова не скажет. Наверное, уже и ужин на столе...

– Нет, Искорка. Я и так задержался. Меня уже давно ждут.

– Дела? Ты уедешь завтра? – Девушка не решалась поднять глаза на Твегги, чтобы он не разглядел грусть и тревогу в ее глазах.

– Нет. Еще несколько дней я буду в Бергене. И завтра, как только покончу с делами, найду тебя.

– Хорошо. Знаешь, иной другой сейчас наврал бы с три короба, а ты... честный.

Девушка не знала, что последние слова ее окончательно пленили сердце хитрейшего из асов. За всю его долгую жизнь Локи называли каким угодно: хитрым и дерзким, ловким пронырой и злоязычным. Но честным... такую похвалу он услышал от девушки впервые.

Почувствовав непривычное смущение, Локи поспешил уйти. Он зашагал в сторону Брюгге – района Бергена, где начали селиться в длинных, но непременно выглядывающих хоть одним глазом в гавань, домах ганзейцы. Ему не составило бы большого труда найти ночлег в любом из этих богатых домов. Однако ему хотелось немного побыть одному. Еще ни одно путешествие с Одином и Тором не заставляло его кровь бежать так быстро. Впервые он почувствовал себя нужным кому-то.

Он был побратимом Одина, но каждый день асы не давали ему забыть, что он всего лишь приживал, шут. Локи никогда не забывал что он родом из великанов. Именно поэтому его тянуло в Йотунхейм. Именно поэтому его первой и пока единственной женщиной стала великанша. Он даже стал отцом. Дочка Хель не отличалась красотой. Да и сыновья – волк Фреки и змей Йрмунганд обещали вырасти в настоящих чудовищ. Но все-таки это были его дети. Однако великанша, одарившая его благосклонностью, тоже попрекала его сладкой жизнью в Асгарде.

Оттого и мотался неприкаянный огненный бог по свету. Оттого-то и сыпались из него постоянные шутки и каверзы. Но нынче дрогнуло сердце бессмертного. Устроившись на лежанке из еловых лап, Локи задумчиво смотрел в звездное небо. Его улыбка становилось то непривычно нежной, когда он вспоминал ласковые слова Синдри, ее губы, пахнущие ягодой, то исполнялась горечью. Девушка считала, что можно ему верить. Ему, который не решился даже предстать в ней в своем истинном облике. Однако ас понимал и то, что теперь, когда сердце девушки уже проснулось, поздно было пытаться исправлять ошибку. Да и полюбит ли она его, настоящего. Нет. Открываться Синдри нельзя. Рано или поздно Твегги придется исчезнуть. Пусть считает что он, честный, которому она поверила, обманул. Оказался таким же, как все. С каким-то горьким злорадством он представил себе, как Синдри будет плакать. Как будет хлопотать мать, стараясь развеять дочку. Как мрачный отец завалит любимицу подарками, а после, отчаявшись, выдаст замуж, лишь бы осушить ее слезы.

Размышляя таким образом, Локи не заметил, как четыре зеленоватые звезды на небе стали особенно яркими, а после поперек каждой появилась темная черточка. Вскоре из сумерек появились с громким мурчанием две пушистые темно-серые кошки размером со снежного барса запряженные в легкую колесницу, увитую цветами. С колесницы сошла, поддерживая край светло-голубого платья, Фрэйя. Светлое лицо богини любви было грустным.

– Что тебе сделала бедная девочка, что ты готовишь ей такие кары?

Разозлившись на светлую асинью, больше за то, что она угадала его мысли, чем за ту легкость, с которой она его нашла, Локи прорычал:

– А нечего верить каждому встречному-поперечному. Уж не скажешь ли ты, что норны готовы были сплести ее нить с другой? С другим?

– Нет, Локи. К сожалению, ей было суждено встретить тебя. И до самой смерти она будет любить лишь того, в чьем образе ты предстал перед ней. А ты слишком поздно поймешь, какой подарок она тебе преподнесла.

На поляне воцарилось молчание. Лишь кошки тихонько мурлыкали, ласкаясь к своей госпоже. Наконец Локи проговорил, глядя на свои сапоги:

– И что мне теперь, вернуться в Асгард? Чтобы Синдри смогла меня забыть? А самому подставить голову под удар Мьельнира?

– Ну, Тор не так злопамятен, как ты думаешь...

– У его просто не хватает выдумки придумать достойную месть. – пробурчал Локи, но было видно, что ему стало спокойнее. Фрейя же продолжала, словно не расслышала его слов.

– Вернувшись, ты лишишь девочку и того недолгого счастья, которое я выпросила у норн.

– Тогда я остаюсь. – внезапно почувствовав облегчение, проговорил Локи, и откинулся на меховой плащ. – Может, от этого хоть кому-то будет легче.

– Если бы ты знал, что норны приготовили для тебя, Хитрейший... – тихо проговорила Фрейя.

Локи вскинулся, но было поздно: кошки уже унесли Фрейю прочь. Он подхватил плащ, и кинулся было за ней, но Фрейя была неуловима, как сама любовь. Сделав несколько шагов вниз по склону, хитрейший из асов задумался, не отправиться ли к норнам самому. Но вещи сестры мало кому приоткрывают завесу будущего. Даже Всеотцу пришлось отдать им глаз, чтобы вкусить из источника знаний. Только с Фрейей они порой шептались. Но и светлая асинья видела лишь те узелки на нитях судеб, которые означали любовные связи. Как всегда, беспечный, Локи решил, что придумает, как выкрутиться из приготовленной норнами ловушки, когда в нее угодит. Пока же ему можно было наслаждаться обещанной любовью красавицы, собственной, пусть и взятой взаймы, молодостью, и новыми приключениями.

Глава 2 Побег

Проведя остаток ночи под разлапистой елью, Локи очистил свой плащ от приставших хвоинок, и спустился в город. Твегги требовалось срочно сочинить жизнь. Даже для аса, владеющего способностью принимать различные личины, это дело непростое. Нужно было найти капитана, успевшего выхлебать достаточно зимнего пива, чтобы поверить, что именно на его корабле прибыл в Берген молодой купеческий сын. Да выбрать купеческий дом посolidнее, чтобы представиться хозяину сыном его давнего знакомого, присланного перенимать торговую науку. Да кроме того в доме не должно было быть дочек на выданье, а хозяин не прочь был бы отправить ученика к золотых дел мастеру.

Молодой щеголь, в котором никто не заподозрил бы вчерашнего бродячего кузнеца, подошел к дому Хринга. Хитрейший волновался, сам не зная почему. Ведь редко кому даже из богов доводилось идти на встречу с девушкой, заранее зная, что норны сплели ниточки их жизней вместе. В руках у Твегги была шкатулка с подношениями. Гривна для ювелира, пара обручей для его жены и несколько колечек для Синдри.

Дверь открыла мать Синдри, темноволосая красавица Аста. Темные продолговатые глаза гречанки широко распахнулись, когда она вновь увидела странника из асгарда. Тонкие темные брови удивленно взлетели вверх. Тем не менее она выслушала его приветствие, проводила в комнату и позвала мужа. Золотых дел мастер был польщен, что о нем идет такая слава. Второй день подряд привечает он у себя гостей из других городов. Гость ювелиру понравился. Вежливый, опрятно одет, видно, что не робкого десятка. Вот только рассеянный. Все-то головой крутит, словно что-то высматривает. Хринг уж показывал гостю самые любимые свои работы, такие, с которыми и расстаться не желал – так много души и труда в них вложено. Но гостю это все было, казалось, не особенно интересно. Даже соль, привезенная из далекой Ювавы в серебряной солонке, не произвела на Твегги впечатления. Только умница Аста тихонько посмеивалась, зная, в чем причина рассеянности гостя.

Вскоре из женской части дома пришла Синдри. Она как раз закончила расшивать бусинами ленту. Цветы шиповника она выложила из небольших розоватых перламутровых раковин. Желтую серединку цветка – из янтарных бусин. Зеленым шелком вышила листики.

Казалось, что поверх темно-зеленой шапочки приколот веночек из живых цветов. Синдри с удовольствием примерила свою работу, и пришла показаться родителям. Увидав рядом с отцом Твегги, она сперва растерялась и оробела. Девушка вспомнила, как он балагурил на поляне, и испугалась, что он так же будет вести себя при родителях. Но парень поклонился ей, как незнакомой, и представился, как подобает. Синдри с благодарностью приняла подарок молодого купца – изящное колечко, свитое из тонких золотых и серебряных проволочек.

За обедом Твегги присоединился к семье мастера. Казалось, он перестал обращать внимание на хозяйскую дочь. Едва обменялся с ней парой слов. Зато мать с тревогой переводила взгляд с раздумывавшейся дочери на залетного щеголя. Но вот Твегги распрощался, и ушел обратно, в Брюгге. Аста, казалось, успокоилась, но потом, когда дочка собралась на встречу с подругами, долго шепталась о чем-то с дочерью. Однако теперь уже та слушала ее вполуха. Кивнув напоследок, Синдри улетела вслед за стайкой девушек – таких же веселых, нарядных и смешливых, как она.

Так прошло еще несколько дней. Утром Твегги приходил к золотых дел мастеру и встречался с Синдри взглядами лишь издалека. Она спешила поскорее закончить дневной урок, и спешила в зал, где ее уже поджидал Твегги. Ювелир показывал молодому гостю многие свои работы. Каждая из них была достойна занимать место в хранилище ярла или конунга. Но взгляды и улыбки Синдри были Твегги дороже серебра и золота.

А вечером они встречались на поляне, где собиралась вся молодежь Бергена. Сперва Синдри была всего лишь одной из девушек, со смехом слушавших истории, рассказывать которые Твегги был большой мастер. Но после вышло как-то так, что все девушки уходили плясать, а они сидели рядом, тихонько разговаривая или просто молча глядя на огонь. И вот наступил день, когда Твегги и Синдри рука об руку исчезли с поляны.

Было так: яркая голубая звезда сквозь темень листвы. Мягкий мех плаща на зеленом бархате мха. И роса на расцветающем в ночи белом цветке. Шорох листвы и шепот губ. Прохладное дуновение ветерка по голой коже и жаркое дыхание по озябшим плечам. А потом звезда, заглядевшись на них, стала приближаться... и вдруг рассыпалась по темной зелени леса мириадами светлячков.

Синдри тихонько засмеялась, уткнувшись Твегги в плечо. Скользнула в платье, отсыревшее в ночной росе.

– Ты что? – Твегги приподнялся на локте, потянулся, как сытый кот, и тоже стал одеваться.

– Да вот имя у тебя такое... двойное, изменчивое. А ты первый, кому я доверилась. Ты меня никогда не обманешь.

Твегги обнял Синдри, поцеловал в рыжую макушку, провел рукой по густым волнистым волосам. В его глазах, ставших вдруг на мгновение разноцветными, вспыхнули горечь и боль. Однако когда он ответил, голос его звучал тепло и нежно.

– Конечно, любимая. Мне ты можешь во всем доверять.

Медленно, по-прежнему не разнимая рук, они спустились с горы и дошли до дома мастера. В воротах, подняв высоко над головой светильник, стояла мать Синдри. Ее большие темные глаза с тревогой всматривались в темноту. Увидев приближающуюся пару, женщина опустила фонарь, ее лицо словно окаменело. Плечи поникли.

Заметив мать, Синдри кинулась к ней, со счастливой улыбкой уткнулась в плечо. Твегги стоял, не решаясь ни подойти, ни окликнуть их, ни оставить одних. Наконец Аста коротко бросила ему: жди – и увела Синдри в дом.

Вышла она, накинув на плечи теплый платок. Твегги она не казалась интересной, но Локи словно впервые ее разглядел. Красота северянок подобна красоте лебедей. Аста же напомнила ему серую чайку. Смуглая, с таким же резким, чужеземным выговором, быстрыми движениями и острым взглядом. Локи снова, уже пристальней, взгляделся в лицо женщины. В ее тем-

ные блестящие глаза под красиво изогнутыми дугами бровей. Тонкий стан, который не испортило ни рождение дочери, ни житье в довольстве. Живя много лет на севере, Аста умудрялась носить пояс так, что ее хангерек, неотличимый от платья других женщин, неуловимо напоминал свободные драпировки хитонов ее родного Крита

Локи вдруг ощутил, что тонет, замороженный непривычной, нездешней красотой женщины. И тут в нем поднял голову Твегги. Юнец, образ которого принял огненный бог, не хотел, не мог смотреть глазами мужчины на мать своей возлюбленной. Твегги потряс головой, избавляясь от наваждения. Аста протянула ему руку, повела за собой. Под кустами шиповника, заботливо взлелеянными ею, она устроила подобие беседки, которых так много на ее родном Кипре. Она опустилась на гранитную плиту тяжело, и Твегги подумал, что все-таки годы изменили ее, юной девочкой приехавшей за мужем в холодную чужую страну.

– Что ты делаешь, небожитель? Зачем тревожишь сердце моей девочки? Ты ведь его разобьешь – очередную игрушку.

Локи уже почти начал все отрицать, но тут ему вспомнились слова Синдри: ...ты первый, кому я доверилась. Ты меня никогда не обманешь... Пусть он не мог сказать всю правду девушке, но ее мать каким-то образом распознала его, и отнекиваться перед ней значило потерять Синдри навсегда. По глазам Асты, полным решимости, он понял, что женщина готова на все, чтобы защитить дочь.

Локи рассказал ей все. О том, как сбежал в Мидгард, спасаясь от гнева асов. Как оказался в их доме в поисках прибежища и встретил Синдри. Рассказал он ей и о предсказании Фрейи. Когда Аста поняла, что ее дочери норны напророчили полюбить аса, она сперва заплакала, но потом, тряхнув пышной копной черных волос, задумчиво посмотрела на Локи.

– Но ведь ты мог бы вернуться домой, в Асгард?

– Мог бы. Но тогда сердце Синдри было бы разбито еще раньше.

– И ты остался здесь ради нее?

– Порой мне кажется, что я становлюсь смертным. Я настолько свыкся с этим обликом, что уже перестал вздрагивать при виде своего отражения.

– А как ты выглядишь... на самом деле?

Локи ненадолго принял свой настоящий облик, и Аста с любопытством уставилась на него.

– А ты красивый, – проговорила она наконец.

– Но как ты узнала, кто я такой?

– Ты думаешь, только северные боги бродят среди людей? У нас тоже много сказаний о странствиях богов, о том, как они влюбляются в смертных женщин.

– У вас слишком тепло. Если бы Тор не защищал Мидгард от инеистых великанов, жители Олимпа имели бы другие хлопоты помимо того, чтобы развлекаться с красавицами.

– Все может быть. Да только у наших богов тоже много неприятелей в южных морях. – с улыбкой отвечала Аста.

Они разошлись, довольные друг другом. Взволнованная Синдри, ожидавшая мать дома, увидела по ее лицу, что препятствовать их с Твегги встречам она не будет.

Спустя несколько недель встреч украдкой Твегги пришел просить у ювелира руки дочери. Хринг, хоть был и удивлен – как многие мужчины, он не замечал взглядов украдкой, которыми обменивались влюбленные, и тихих вздохов – дал свое согласие на брак. Вскоре в доме ювелира сыграли пышную свадьбу.

Молодые уехали в маленький домик, который Твегги присмотрел неподалеку, у подножия горы Ульрике. Локи впервые наслаждался семейной жизнью. Он сидел после обеда на солнцепеке, смотря, как молодая жена собирает с дерева красные яблоки. Они много ребячились, плескаясь в теплом летнем море, кормя друг друга черникой на склоне горы и встречая рассвет на самой ее верхушке. Незаметно промчалось лето. Деревья оделись в роскошные

золотые и багряные одежды. Заискрились на плечах красавиц меха. Потом листва опала, и серый туман, окутывавший по утрам Ульрикен, превращался не в искрящуюся радугой росу, а в мелкий холодный дождь.

Локи все больше овладевало беспокойство. Порой ему приходилось на несколько дней уходить из дому, чтобы принять свой настоящий облик. К тому же Локи, вечному страннику и насмешнику, постепенно приедалась такая спокойная жизнь. И вот однажды в их маленький уютный дом ворвался ледяной ветер. Синдри зябко поежилась и подседа поближе к жарко пылающему очагу. Твегги же вдруг встрепенулся, и, накинув плащ, вышел наружу.

Что-то влекло его вперед, вверх по склону горы. Шаги его становились все быстрее и шире, и вдруг огромная туча словно напоролась на вершины сосен, и разразилась холодным ливнем. Вдалеке пророкотал мощный разряд грома. Первые струи дождя словно смыли с Локи личину Твегги. Порыжели и отросли волосы, юношеская бородка окрепла и превратилась в рыжую с проседью. Глаза вновь стали разноцветными и от них по чистой юношеской коже пролегла сеточка морщин. Он запрокинул голову, и рассмеялся прямо в глаза расцветенного молниями неба.

Локи – теперь уже окончательно он – оглянулся назад, на маленький домик, в который он никогда больше не вернется. Несколькими прыжками асс достиг вершины, и остановился около большого, покрытого мхом, валуна. Прикрыл веки, и вновь открыл их. В ночной полутьме зрачки аса светились зеленоватым светом. На камне, словно откликаясь на их свет, проявились руны. Какое-то мгновение жалость и сомнение закрались в сердце Локи. Ему внезапно захотелось вернуться к Синдри. Может быть, когда-нибудь взять на руки сына... При мысли о детях Локи передернуло. Его нельзя было назвать счастливым отцом.

Ас тряхнул головой, отгоняя ненужные мысли, и вслух прочитал начавшие разгораться руны. Из камня, стоявшего неподалеку, на аса взглянули небольшие глазки. Тролль-хранитель с ворчанием отворил портал, и ас вернулся в Асгард.

Глава 3 Возвращение в Асгард

По ту сторону портала его ждал Тор. Рядом с ним Локи невольно вспоминал, что и сам происходит из племени великанов, однако едва дотягивал сыну Одина до плеча. С широких плеч Тора ниспадал алый плащ, скрепленный на плече золотой брошью. Под ним была видна кожаная куртка, расшитая медными пластинами. Широкий пояс, за который был заткнут знаменитый молот, сокрушающий великанов, Мьельнир, так же был украшен медными пластинами. Рыжие кудри, заплетенные на висках в косички, были стянуты кожаным ремешком толщиной с большой палец Локи. Весть Тор казалось, сверкает, горит, мчится навстречу схватке.

В стороне двое любимцев бога грозы щипали траву. Ухоженная серебристо-серая шерсть козлов сверкала на солнце. Крутые рога казалось, покрыты золотом.

– Долго же тебя не было, Локи. Ты, поди, весь Мидгард за эти полгода обошел.

– Не поверишь. Все время проторчал в одном городе. Даже жениться успел. Едва корни не пустил!

Теперь, оставив Синдри позади вместе с образом Твегги, Локи беспечно говорил о разлуке с той, что несколько месяцев была ему дороже царства богов.

– А где же твоя жена? – ладонь Тора легла на рукоять Мьельнира, он спокойно осмотрелся вокруг в поисках великанши.

– Я оставил ее там. Она смертная.

Некоторое время Тор непонимающе смотрел на Локи, потом сокрушенно покачал головой. В самом начале времен, когда асы устраивали девять миров, смертные бывали гостями в Асгарде. Брат и сестра, взятые с земли, возили по небосклону Луну и Солнце. Но с тех пор много воды утекло, и даже прекрасные валькирии, которым случалось влюбиться в земных конунгов, оставляли Вальгаллу и проводили время с любимым среди смертных, пока кони, рожденные из пламени погребального костра, не возносили их обратно. С одной стороны, доб-

родушный и честный Тор понимал, что оставленная на земле девушка будет тосковать и тревожиться, не понимая, куда делся ее возлюбленный. Но не мог же ас, пусть и не самый любимый в Асгарде, покинуть обитель богов навсегда. А смертной девушке нечего было делать здесь.

Тор еще раз неодобрительно покачал головой, и зашагал к колеснице. В конце концов великий проныра всегда сам разбирается с неприятностями, которые навлекает на себя. Локи пошел следом за Тором, но один из козлов громовержца злобно заблеял на непрошеного седока. Только строгий окрик хозяина заставил его отвернуться. И все-таки Локи предпочел стоять за спиной тора, придерживаясь рукой за выступ на спинке колесницы.

В несколько скачков козлиная упряжка довезла их до центра Асгарда. Там, где возвышались жилища Асов. Где сверкали на солнце сложенные из тысяч щитов и сотен копий стены Валгаллы. Где стоял трон, с которого Всеотец оглядывал девять миров. Один и сейчас восседал на своем престоле. Его белоснежная борода пушистым облаком лежала на ярко-синем плащом. Капюшон надвинут на лицо, так что не видно было ни пристального взгляда живого глаза Одина, ни безобразных шрамов, оставшихся на месте мертвого глаза, отданного им взамен глотка воды из родника мудрости. Черные вороны сидели на его плечах и в их хриплом карканье слышался шум битвы, грохот кубков на пиру, бой барабанов на драккаре, идущем в открыто море. От вещей птиц Один узнавал обо всем, что не успевал увидеть собственными глазами.

Лишь легкий кивок головы показал подошедшим Локи и Тору, что они замечены. Через некоторое время вороны замолчали, а на Радужном мосту показалось несколько бледных теней. Это закончилось где-то в Мидгарде сражение, и храбрые воины пополняли ряды эйнхириев.

– Зачем ты звал меня, Один? – Локи надоело молча ждать, пока Всеотец отвлечется от своих дел.

– Нынче Ньёрд устраивает пир...

– Как! Неужели тот котел, который мы с Тором добыли для него, уже прохудился? – в притворном испуге.

Один широко улыбнулся.

– Вот поэтому я тебя и позвал. Без твоих шуток пиры стали какими-то скучными. Но... это всего лишь одна из причин. Позже я расскажу тебе о том, что по-настоящему заботит меня. Теперь же пойдем и отпразднуем твое возвращение.

В большом зале уже были накрыты столы. Пиво и вино не успевало закончиться в кубках. На блюдах масляно лоснилась копченая рыба, запеченный целиком вепрь был окружен начиненными яблоками гусями.

Локи и Одина приветствовал радушный хозяин – бог морей Ньёрд. Рядом с ним, е выпускающая из рук корзину с волшебными яблоками, улыбалась красавица Идун. Локи сильно обидел ее, обманом заманив в дом ледяного великана, но сам же и выручил потом ее, перенеся обратно вместе с драгоценными яблоками, дарящими вечную молодость. Долгое время Локи не решался подходить к асине, и на его висках появилась седина. Но сейчас, когда прошло почти полгода, да и сам Один стоит за его спиной. Он подошел к Идун и с поклоном и шуточной улыбкой откусил от самого большого и спелого яблока в корзине. От первого же куса Локи почувствовал, как отступает усталость и расправляются плечи. Когда он доел яблоко, седые волоски на висках вновь налились рыжиной, морщинки разгладились и засверкали глаза.

Локи занял свое место за пиршественным столом, и какое-то время наслаждался вкусом яств. В Мидгарде так не готовят. Там нету золотистого пива, что течет из сосцов козы Хейдрун. И мяса вепря, что каждое утро оживает и невредимым пасется на зеленой поляне, там тоже не попробуешь. Не говоря уже о самых редких морских лакомствах, поданных Ньёрдом и различных плодов, присланных ванами. Застольная беседа текла своей чередой, но Локи вдруг

ощутил, что все словно ждут чего-то. То тут, то там среди беседы вдруг раздавался смех, но какой-то натянутый, словно его приходилось выдавливать из себя.

Наконец появилась Фрейя с своим сыном, всеобщим любимцем Бальдром. Как прекрасен был этот молодой ас! Длинные белые волосы, чистая светлая кожа, до которой, казалось, смущалось дотрагиваться даже солнце, пушистые ресницы оттеняли большие сиреневые глаза юноши. На щеках играл нежный румянец.

Однако, несмотря на прекрасную нежную внешность, Бальдр был ловок и силен. Он хорошо владел мечем, топором и луком, быстро бегал и плавал. Одинаково отважно взбирался Бальдр на высокие скалы и опускался в темные глубины. Другое дело что асы неохотно отпускали своего любимца в путешествие. Да и Один готовил старшего сына себе в приемники. Пусть Тор сражается с великанами, а Бальдр постигает мудрость отца.

Приход Бальдра был встречен радостными криками. Но от Локи не укрылось, что сын Одина кажется бледнее, чем обычно. А в глазах его прячется грусть. Когда слуга в очередной раз подошел к Локи, бог огня, с удовольствием глядя на темно-красную жидкость, наполняющую чашу, как бы между прочим спросил:

– А скажи-ка, что это случилось с Бальдром? Он нынче такой печальный...

– Видно, ты и впрямь много времени провел в Мидгарде. Уже довольно долгое время светлого бога терзают темные сны. Они пророчат скорое несчастье и разлуку с родными.

– Уж не Рагнарёк ли ждет нас вскоре? – лицо Локи приняло непривычно озабоченный вид.

– Нет, думаю, не в этом дело. – Тор, сидевший рядом, вмешался в разговор. – Вороны отца не приносят таких черных вестей.

– Тогда в чем же дело?

– Думаю. Бальдр предчувствует свою скорую смерть. – голос Тора, который не боялся ни инейских великанов, ни огненных жителей Муспельхейма, дрогнул.

– Да... такого славного гостя моя дочурка отродясь не принимала. – не слишком расстроено ответил Локи. – Хель хоть и далеко лежит, однако для Одина не составит большого труда проведать там сына время от времени.

Все, кто слышал его ответ, замолчали. Но Локи, пришедший в Асгард из мира великанов, знал, о чем говорит. Асы могли путешествовать между девятью мирами, и поэтому для них смерть не была так страшна, как, скажем, для обитателя Мидгарда.

– Мать просила тебя позвать, чтобы твои шутки развлекли Бальдра. А может быть, ты придумаешь, как отвести беду. Не все же тебе выпутываться из передраг, в которые ты сам же и попадаешь.

– Может, и придумаю. – Локи отправил в рот сочный кусочек мяса, обмакнув его кисло-сладкий соус из меда и клюквы. – А пока... не вспомнить ли какую-нибудь историю из моих путешествий...

Почти до зари продолжался пир у Ньёрда. Казалось, вместе с Локи в Асгард вернулись тепло и смех. Даже Фрейя, переживавшая за сына, смеялась над его историями. Наконец все разошлись. Локи вернулся в свой дворец, улегся в постель и попытался уснуть. Но что-то ему мешало. Сперва на ум пришла Синдри – как-то там она? Все ждет своего непутевого мужа? Или успела вернуться в родительский дом? Вспомнилась их свадьба, счастливое лицо невесты, несколько счастливых месяцев в из маленьком домике... Потом еще что-то мелькнуло в уме... что-то из того, о чем говорилось на пиру. Вот оно! Если все так бояться смерти Бальдра, точнее, его переселения в Хель, надо сделать так, чтобы ему ничто не могло причинить вред. А в благодарность за то, что он спас сына Одина, тот разрешит его дочке поселиться вместе с отцом.

Хель никто не назвал бы красавицей, когда она девчонкой предстала перед асами вместе со своими братьями – Йормунгандом и Фрэки. Одна половина лица у нее была красная, другая синяя... Впрочем, среди великанш редко встречаются красавицы.

Но в темноте подземного мира, хозяйкой которого ее сделали, Хель выросла пусть не в красавицу, но во вполне симпатичную девушку. К тому же, принимая конунгов и мудрецов, она вела с ними мудрые беседы, и могла бы по достоинству ответить на расспросы Одина, случись у него желание поговорить с молодой великанши.

Локи неожиданно подумал, что соскучился по дочери. Девочке пора искать себе мужа. Ине обязательно среди великанов. Привел же Ньёрд в свои палаты рослую красавицу из Йотуннхейма. Почему бы и Хель не сыскать себе мужа среди асов. Подумав так, Локи сладко потянулся и наконец уснул.

В Рябиновом Логе все готовились к празднику Солнцеворота. Мужики таскали из лесу хворост для большого костра, который должен будет гореть полночи. Женщины напекли расписных пряников, да столько, что, сложи их все на блюдо, да поставь на стол, сидящего напротив за горой не видать будет! Потом, когда все – от столетнего деда до недавно родившегося младенца, попарились в бане, во всем селении погасили старый огонь. Не обидели его, верно кормившего и согревавшего целый год, не затоптали, залили – кто ключевой водицей, а кто и ароматным квасом. Пусть Огонь Сварожич, насмотревшийся за год на всякое- лепое и не очень – не обижается. Нарядившись в подслеповатых зимних сумерках в лучшие одежды, люди потихоньку стали собираться на поляне. Здесь уже все было готово к возжиганию нового, молодого огня.

Уже в темноте, когда старый огонь был погашен, а новый еще не родился, из леса, темной стеной окружавшего селение, вышла горбунья. Она тряслась от холода, ее понева колом стояла от налипшего снега. Голову и уродливо выгнутую спину горбуни покрывала лохматая медвежья шкура, запорошенная снегом. Ее лохмотья скрывали лицо, лишь несколько седых прядей выбивалось из-под темного меха. Женщина опиралась о посох – корявую ветку сосны, и казалось, без этой опоры не устоит на ногах.

Сперва ее никто не заметил – все смотрели только туда, где под умелыми руками старейшины уже начинала тлеть припасенная береста. Новый огонь должен был вот-вот народиться. Вот вспыхнула сухая хвоя, насыпанная под бересту, занялись березовые поленья, толпа, собравшаяся на поляне, дружно ахнула. И тогда кто-то расслышал тихий вздох горбуни.

Конечно, все знают, что в эту ночь, самую долгую в году, нечисть порой подкрадывается тихонько к человеческому жилищу. Но никто не помнил, чтобы мавка или лешачиха не боялась людей и чистого пламени.

Все, кто стоял рядом с горбуней, отступили на несколько шагов. Она же, казалось, ничего не замечала, кроме огня, уже ревшего над кучей сухого хвороста. Подойдя почти вплотную к огню, горбунья блаженно опустила на колени, и протянула руки к огню.

Только теперь все словно пришли в себя. Первым к незнакомке подошел старейшина Первак. Статный русобородый середович, он лишь недавно перенял власть у своего отца. Старейшину любили – он никогда не стоял в стороне, пока другие работали, и даже на праздник одет был не наряднее прочих. Как и положено вождю, Первак сам заговорил с горбуней.

– Кто ты, что пришла без приглашения к нашему костру? Откуда явилась?

– Весь моя, в пяти днях пути отсюда, сгорела. – отвечала незнакомка. – А звали меня там Любавою. Позвольте у вас остаться... хоть на ночь. А коли позволите до весны остаться, я отблагодарю.

Голос у Любавы был хриплый, но вовсе не старческий. Это заставило Первака попристальней к ней приглядеться.

– Чем же таким ты сможешь отплатить нам в наших же землях? – усмехнулся он. – Все, что надобно, сами добываем. Еще и торговать случается.

– Золотом лесным отплатчу. – Спокойно отвечала Любава. – Весь, из которой я пришла, бортничеством жила. А я видела тут у вас недалеко пчелы зимуют, да только знаков никаких нет рядом. Да еще я травы ведаю. Смогу помочь, коли хворый кто.

Старейшина Первак сперва обомлел от такой наглости. Он нипочем не позволил бы ведунье не то, что остаться в веси, даже обогреться как следует у костра. Но мало ли, кто или что на самом деле может явиться из лесу.

– Ну, вот что, милая... Обогрейся, коли уж пришла, у костра, да и ступай себе по-здорову. А уж мед там или еще что в своих землях я сам возьму, коли надобно будет.

Первак был осторожен, и понимал, что под видом нищенки к костру могла забрести не только нечисть. Прогонишь такую вот, а по весне не дождешься урожая – обидел берегиню.

Женщина, назвавшаяся Любовой, со вздохом скинула медвежью полость. Блеснула толстая Мишату коса, в которую вплетена была алая лента. Только на висках, там, где пряди сами собой завивались кольцами, их прихватил иней. Оттого и показалась сперва женщина старухой. Сверкнули большие синие глаза, появился румянец на щеках. Нет, вовсе не безобразна оказалась лесная гостья. Некоторые холостые парни уже присматривались попристальней: не пригласить ли ее на постоец к себе. На спине же у Любовы оказался не горб, а кузовок. Заглянув всего, все, кто стоял рядом, вновь ахнули – в плетеном кузовке мирно спали два младенца, закутанные в пуховые платки. Женщина поспешно поставила котомку поближе к огню. Малыши даже не проснулись.

Первак уже хотел гнать ведьму с ее подкидышами, – оставит вот так свое отродье, рости потом. Но тут почувствовал на плече руку Витенеги. Первак и не слышал, как она подошла к нему с маленьким сыном на руках. И остановила гневные речи, уже готовые сорваться с губ старейшины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.